

Владимир Поселягин

БЕЙ ПЕРВЫМ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Фэнтези-магия»

Выпуск 6

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П61 Поселягин, Владимир Геннадьевич

Русич: Бей первым / Владимир Поселягин. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2019. — 384 с. — (Фэнтези-магия).

ISBN 978-5-17-113134-0

Характер у Марка Геннадиевича Бестужева предполагал, что не нужно дожидаться, пока неприятности придут к нему. На все угрозы один ответ — всегда бей первым!

И этот принцип придется к месту, когда он окажется во времена Средней Руси на территории Московского княжества в пятнадцатом веке. Разбойники, нападения ордынцев и другие превратности судьбы — вот что его ждёт.

Но одно Марк знал точно: нужно всегда бить первым!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113134-0

© Владимир Поселягин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРОЛОГ

Очнулся я от тупой ноющей боли. Причём никак сразу не мог понять, что именно болит. Но потом, подняв левую руку, вторая была чем-то прижата или связана, видимо к койке привязали, и коснувшись головы, чуть не взвыл. Теперь боль ощущалась лучше, ныла всё же голова. Однако ничего себе банальный аппендицит, как мне сообщил дежурный врач приёмного отделения, куда меня привезли на «скорой». А так всё хорошо начиналось, только приехал в офис и занялся бумагами по договорам, что сегодня требуется подписать, как меня скрутило болью, потом больница и анестезиолог в операционной, что зачем-то махал перед моим лицом пальцами, велел считать. Не успел досчитать, как темнота и последующее осознание себя с этой болью. Чего они там ещё сделали, мясники чёртовы? У меня живот и бок болели, а не голова. Неужели с препаратами напутали? Да нет, вряд ли. Меня же в Склиф привезли, он был ближе всего, а тут опытные врачи, попусту наговаривать на них не стоит, это я так, по-стариковски брюзжу.

Что меня привлекло, так это чириканье птичек, где-то рядом долбился дятел, и кукушка свой отсчёт начала, шумел ветер в листве, вот явно рядом прожужжал шмель. Ещё было слышно множественное жужжание мух, но как-то фоном оно шло. Я даже поразился, молодцы врачи, звуки леса включили в операционной, чтобы вот так в гармонии проводить

операцию. Или я уже в палате? Или где там? В реанимации? Не знаю, до этого мне анестезию всего дважды делали, да и то при посещении стоматолога, местную, это была первая операция в моей жизни.

Тут мне наконец удалось приоткрыть один глаз, второй не открывался, кажется чем-то заляпан был, да и тактильные ощущения только-только начали возвращаться, поэтому когда я открыл левый глаз и при сумерках осмотрелся, то даже отшатнулся. Точнее, попытался это сделать. И почти сразу на меня навалилось всё. И голова запульсировала больше, что даже круги перед глазами пошли, при осознании, что я не в операционной, да и вообще не в больнице.

— Похоже, это была моя первая и последняя операция, — пробормотал я отчего-то тонким голоском.

Оказалось, я лежал на правом боку, уткнувшись лбом в широкую, залитую кровью грудь неизвестного мне бородатого мужчины. Этот прообраз Маркса и Энгельса лежал на левом боку, выставив в небо культияпку явно отрубленной руки. От неё кровь стекла и на грудь, и, видимо, от долгого лежания я приклеился к льняной рубахе неизвестного, посечённой каким-то оружием. Да и теперь понятно, чем правый глаз заляпан. Я когда дёрнулся, то даже треск раздался, отклеился от рубахи неизвестного и осмотрелся. Почти сразу навалилась тяжесть, оказалось, я был погребён под телами, свободны только руки, голова и верхняя часть груди, остальное всё завалено. Судя по тому, что сумрак рассеивался и становилось светлее, было утро. Рядом слышалось визгливое рычание, и, скосив глаз в сторону на движение, заметил стоявший трубой рыжий хвост. Самой лисы было не видно, а вот хвост хорошо. Вот и первые падальщики. Осмотрелся, хотя один глаз плохо помогал, да и слабость

не позволяла приподняться на руках, они вроде в порядке. Вроде лежим в овраге, высокие склоны и кустарник по обеим сторонам это явно доказывали. Да, это не плохо прооперированные больные, от которых медики избавлялись, как я подумал ранее, тут что-то другое.

Первый шок я испытал, ещё когда пытался пошевелиться, и, опираясь на уже холодные тела подо мной — много же тут людей побито! — попытался приподняться. Руки не мои. Детские руки, но никак не человека, которому в следующем году должно исполниться полвека ровно. Вот это да, я проверил, пошевелил ими и даже прикусил молодыми зубами кисть правой руки. Больно. О, и строение челюсти и зубов тоже не моё. Непривычно. Сглотнув и сплюнув вязкую слюну, я свободной рукой стал ощупывать себя. Был я фактически раздет, лишь какое-то одеяние, похожее на армейские подштанники на завязках, и всё. Вот на голове нащупал сразу стрельнувшую большую открытую рану. Даже скорее глубокое рассечение с гематомой. Думаю, крови было много, но и только.

Делать нечего, не всё же время тут лежать. Тем более остывающие тела морозили, я больше скажу, судя по наступающей местами желтизне вокруг, сейчас ранняя осень, да и лёгкие облачка пара изо рта доказывали, что она близилась. Чёрт, да я тут замёрзнуть могу, поэтому, несмотря на боли, от которых я дважды чуть не терял сознание, когда перенапрягался, но удерживался на кромке, я стал активно пошевелиться, пытаюсь освободиться от наваленных тел, помогая себе также руками. Лисица шугнулась и, отбежав в сторону, стала наблюдать за мной, вылизывая окровавленную мордочку, но я не обращал на неё внимания. Тяжело было, многие тела уже заоченели,

не гнулись, но я смог потихоньку, цепляясь руками за другие тела, выползти наружу. Сначала постепенно освободил грудь и живот, потом, приподнявшись, и ноги же. Дальше легче было. На ноги вставать я не стал, а, перелезая по-пластунски через тела, стал отползать в сторону, пока не спустился на старую траву и не попытался встать. Кстати, неизвестные, что побили столько людей, сверху набросали отрубленные конечности, с десятков мне встретилось. Видимо, самое лёгкое напоследок переносили.

С морозом и холодом я всё же переборщил. Было холодно, но до заморозков явно ещё ой как далеко, иначе мух и шмеля бы не было, я просто в этих телах настолько замёрз, что чуть сам дубака не дал. Упав на крутой склон, я полусидя отдышался и более внимательно осмотрел себя. Благо поднявшееся выше солнце лучше осветило овраг. Ну да, пацанёнок, так, навскидку, возраст не скажу, но лет десять, не думаю, что сильно ошибусь. На мне были только одни подштанники, что были до колен, и всё, сам я, кроме раны на голове и множества царапин, никаких повреждений не имел, но заляпан кровью был с ног до головы, к которой прилип разный сор из леса. Да уж, чудище. Но лежать не стоит, нужна помощь, нужно к людям выбираться.

Думаю, все эти люди были побиты на дороге, иначе к чему их прятать? Большая часть тел раздета, но имелись те, у кого детали одежды сохранились, особо у порубленных. У двоих торчали обломки стрел, я по древкам понял. Судя по поломанным кустам, сбрасывали тела с левого склона, значит, дорога там и мне туда нужно. Меня, конечно, озадачило то, что одежда домотканая, явно ручного пошива. Если уж сподобился в чужое тело попасть, то, возможно, и смеще-

ние во времени тут имеется. Видимо, сказалось моё увлечение. Об этом попозже, есть что рассказать. Мне пришлось, пошатываясь — больше знакомясь с новым телом, учась управлять им, да и рана на голове давала о себе знать, — пройти по дну оврага в сторону. Там найдя более пологий участок склона, цепляясь за траву и длинные ветви кустарника, я смог подняться наверх. Продравшись через кустарник, я и ста метров не прошёл, как вывалился на обочину явного тракта, проходящего по лесу. Стоял, шатаюсь, и осматривался, всё плыло перед глазами. Дорога изрядно побита была тележными колёсами, но широка, метров двадцать от опушки с обеих сторон. На дороге было пусто, но чуткий слух уловил вдали множество скрипов, всхрапывание лошадей и перестук колёс, так что я поспешил укрыться на опушке. И да, на дороге я так и не обнаружил следов боя. Если бандиты тут напали, то им хватило мозгов как можно тщательнее прибраться за собой. Если вообще нападение тут произошло. Укрывшись в лесу, я изучал двигающиеся повозки, их в основном крупные быки влекли, или волами их правильно называть? Не знаю, но были и лошади, только мелкие какие-то. Я понял, что это всё же люди, не эльфы, и, вывалившись из-за дерева, под крики возниц, что меня рассмотрели, буквально рухнул у колёс ближайшей повозки. Тут возница, бросив поводья и воя от страха на одной ноте, вскочив на ноги на повозке, размахивал топором, отбиваясь от кого-то невидимого. Причём что-то орал о духах леса, кикиморах, леших и остальной нечисти. Я даже подивиться успел, что хорошо понимаю его, и под топот множества людей, что бежали к нам, при этом успел приподняться на одной руке и, вытянув руку, указать в глубину леса, откуда пришёл, и на

этом всё, силы наконец оставили меня, и я потерял сознание. Надеюсь, я вышел к тем людям, коим можно было доверять.

*Полтора года спустя.
Окраина леса у деревни Заболотной
и у стоящего на тракте большого постоянного двора*

Мой лёгкий бег не остановила даже упавшая лесина, через которую с ходу перемахнул, и, выбежав на тропинку, которой пользуются жители деревни, чтобы собирать в лесу хворост, выскочил на опушку леса, на миг остановился и с удовольствием осмотрелся. Май месяц, всё цветёт и зеленеет, как не радоваться буйству зелени? Всё уже просохло и почти согрелось, хотя до ночёвок в лесу у меня пока и не доходило. Поле тут было небольшое, вспашка ещё только начиналась, вдали виднелись крытые соломой крыши деревеньки о семи дворах, а правее у тракта — крытые дранкой крыши постоянного двора, где я и прожил эти полтора года, когда осознал себя в теле этого мальчишки, в коем так неожиданно оказался. Заметил, что на территорию двора втягиваются повозки очередного каравана — скоро вечер, на ночёвку у нас купцы остановиться явно собираются, так что немедленно я рванул к постоянному двору. При мне было две заячьи тушки и ещё одна тетерева, связкой висели на поясе. Сейчас сдам их поварихе нашей, и потом на конюшню, где я как бы числился всё это время помощником конюха. Именно как бы числился, так как в основное время, по договорённости с хозяином постоянного двора Андреем Евсеевичем, я занимался добычей свежей убоины, чтобы домашнюю живность пореже забивать. То есть прибыль с моим появлени-

ем у него был, тот это сам признавал, экономия в домашней живности присутствовала. Ну, а когда свободное время было, на конюшне я всё же помогал, лишние руки тоже нужны были, тем более я довольно знатным лошадиником был, ещё по прошлой жизни. Думаю, пока я бегу по тропинке к постоялому двору, стоит описать, что и как было. Да и вообще, где я оказался и кем был в прошлой жизни. Должен сказать, видимо тут судьба постаралась, были причины так думать. Хотя я как раз об этом не мечтал, мысли иногда были, но до идеи фикс, как у других, не доходило. Я был очень практичным человеком и в переселение душ не верил. Раньше не верил.

В прошлой жизни меня звали Марком. Марк Геннадьевич Бестужев. Я был сыном олигарха, всамделишным таким, из партийных руководителей, что быстро перешли в другой стан, и остальное что положено. В общем, за пару миллиардов долларов имущество отца заходило. Из-за смерти матери, а виноватым я считал отца, были причины, не хочу об этом говорить, отношения с ним у меня испортились. Я не был тем «золотым мальчиком», как-то не моё, пробовал, но не пошло. Отец пытался вырастить из меня своё подобие, дельца, а я в отказ, и вместо поступления в лучшее заведение Англии пошёл в армию. В элитные войска я не попал, да и на войнах не бывал, служил в мотострелковом батальоне, что входил отдельным подразделением в штат мотострелковой дивизии. Два года служил, закончил службу младшим сержантом, командиром отделения разведвзвода в батальоне. Хорошо нас натаскивали. И эта служба стала судьбоносной в моём дальнейшем пути. Пусть тогда уже начала греметь Первая чеченская, но на войне, как уже говорил, я не был, однако взводный у меня

был из казаков, что проживали у Терека. Увидев как-то у взводного шашку, на стене висела, я загорелся. Вот тот меня и учил полтора года плотно, выкраивая свободное время, которого у нас, разведчиков, в отличие от других подразделений, было крайне мало, постоянная физнагрузка, марш-броски в полной боевой, занятия «в поле» в любую погоду и всё остальное, но я учился и учился, так что после дембеля поступил в клуб реконструкторов и двадцать девять лет состоял в нём, вплоть до своей смерти в операционной, а я всё же думаю, что не пережил ту операцию. Не знаю, теперь уже и не могу сказать, почему и за что. Именно об этом я и говорил, когда обмолвился о том, что попадание в прошлое было предопределено. Я был сабельником, я больше скажу, я был двуручником, чему учился все эти годы. Учился с наслаждением, без фанатизма и с большой охоткой. Причём у меня явно был природный талант, все это признавали, слишком быстро я постигал новое. Не стоит думать, что я одними только саблями занимался. Нет, лук изучал, хотя профи в нём не стал, как на саблях, по арбалету стал КМС, да и то потому, что только после армии занялся изучением и спортивными состязаниями. Булавы и мечи — это не моё, вот короткая сулица и пика, в них я тоже стал неплохим мастером, как в бою с противником, так и в метании. Ножи — это тоже моя тема. Шпаги и рапиры интересовали. Ещё мой интерес в последние годы занимал кистень. Обычно когда его поминаешь, сразу вспоминаются бандиты с большой дороги или тати, однако нет, кистенями в Древней и Средней Руси пользовались все. Да и что там, небольшая, обычно самодельная гирька и кожаный ремешок в полтора локтя. Небольшая гирька — это сейчас, под мой рост и вес, в прошлой

жизни я более крупное изделие использовал. Изучил быстро, за полгода полностью усвоил и последующие три года только повышал мастерство до своего появления тут.

По поводу отца, то тот, уже махнув на меня рукой, понял, что меня не перекроишь, отрезал меня от денег, передал во владение сдыхающую типографию и сказал: «Учись сам зарабатывать, сынок».

Он, наверное, думал, что я погорюю и приползу к нему, а если нет, то всё же стану дельцом, а я поступил по-другому. Обратился к знакомым, и те посоветовали одного паренька, что только что окончил университет в сфере бизнеса и финансов, и сделал его директором, убрав старого. Надо сказать, не прогадал и не пожалел. Тот за год из нерентабельного бизнеса сделал вполне уверенно смотрящее в будущее предприятие, а дальше, вкладывая деньги в обновление станков и оборудования, вывел нашу типографию на первое место в столице. Лет десять назад даже пару филиалов открыл, в Питере и Казани. Заказами те завалены были в полной мере. Сам я тоже не драл в три шкуры, мне вполне хватало на жизнь небольших отчислений от дохода. Тем более в Москве я бывал редко, вон только у казаков прожил пять лет, в других странах жил, изучая их боевое искусство. В Японии почти три года прожил, учась у двух разных мастеров. В Китае всего год, не понравилось. Как бы то ни было, но я был доволен жизнью и занимался тем, чем хотел, так что меня с полной уверенностью можно было назвать счастливым человеком. Отец, давно махнувший на меня рукой, женился во второй раз, на модели, у них дочка родилась, тот надеялся на сына, хотел вырастить своё подобие, но появилась прелестная кроха, моя сестричка, Анютой назвали, и, что уж говорить,

всеобщая любимица. На момент моей гибели ей шесть лет было. Да, отец меня не пережил, схоронили за два года до того, как я сюда попал. Отец угрозы свои исполнил, я ничего в наследство не получил, что меня отнюдь не опечалило, квартира от мамы осталась, есть типография, хватало. Большая часть ушла сестричке, остальное по его партнёрам да фондам. А я жил своей жизнью, просто жил и занимался тем, чем хотел. Согласно моему завещанию, всё моё имущество перейдёт Ане, так что я особо не печалился, будет кому присмотреть за ней и мачехой, которая, кстати, на пятнадцать лет была младше меня.

По поводу попадания в тело Тита, — да, я знал, как звали этого паренька до того, как произошло переселение душ. Что я могу сказать по пребыванию в этом теле? Для начала, я действительно вышел на дорогу к тем, к кому нужно, там шёл купеческий караван, это и помогло мне обустроиться в этом мире, причём так, как меня это устраивало. Я особо не притязательным был. Когда охрана каравана и возница подбежали и смогли опознать, что к ним не чудище, а мальчишка из-за деревьев выпал — это было более правильное слово, чем вышел, — то быстро организовались. Кто-то стал приводить меня в чувство, двое охранников побежали вглубь леса, многие успели рассмотреть мой жест, указывающий в сторону, откуда я пришёл. Надо сказать, нашли тела в овраге. Караван простоял там сутки, да чуть позже ещё два подошли, скопившись в этом месте. Люди из них тоже присоединялись к делу, копали общую могилу на опушке да помогали хоронить убитых. В одном из караванов батюшка был, он и отпел их, даже показал, как крест срубить и установить. Всего погибших было сорок шесть. Батюшка мне крестик подарил, я его до сих пор ношу. Сам

я к церкви и священникам отношусь не однозначно, были причины их не возлюбить, а вот в Бога с детства верил, мамино воспитание.

Что меня всё же в некоторой степени поразило, это то, что я не только отлично понимал аборигенов, но и говорил на их же языке. Думаю, это остаточная память бывшего тела, небольшой подарок. Современный русский и тот, что из прошлого, из-за множества непонятных слов всё равно что говорить с украинцем или белорусом, вроде и понятно, а что говорят, неясно, вот и так тут было. Благо из-за подобного подарка влился я в местную жизнь достаточно легко. Караванчики охали и ахали, узнав, что я себя не помню, но многие подтверждали, бывало такое, отшибает память. Общались, пока хоронили погибших. Меня отмыть смогли, повязку на голову наложили, промыв её и присыпав сушёным мхом, он тут за антисептик был, ну и выдали рубаху. Взрослую, ничего детского во всех трёх караванах не было. Но хоть это. Да, и кальсоны отстирал, но полностью от крови не смог, пятна остались, но да ладно, рубаха мне до щиколоток была. Не видно. Я только рубаху выше поднял, до колен, а то я в ней тонул, и ходить было неудобно, как в платье. Мне даже кусок верёвки выдали перепоясаться.

Так вот, когда выяснилось, что я ничего не помню, память отшибло, то особо никто не обращал внимания на мои вопросы, а их хватало. Отвечали спокойно, степенно и довольно подробно. Особенно купец. Весь караван принадлежал одному новгородскому купцу, вот тот, командуя своими работниками, и пообщался со мной. Для начала я попытался узнать, куда попал. Шесть тысяч девятьсот десятый год от сотворения мира — это ещё что такое? А нормальный год не